

Alexander Zholkovsky
«В некотором царстве»:
повествовательный тур-де-форс Бунина

1

Рассказ «В некотором царстве» (*далее* — ВНЦ) был написан в эмиграции, на юге Франции, летом 1923 г. и напечатан полгода спустя, в начале 1924 г.¹ Это третий и последний из рассказов с общим «квази-авторским» персонажем Ивлевым, фамилия которого, согласно самому Бунину, не случайно начинается с первых букв имени писателя.² ВНЦ поражает исключительным лаконизмом и новизной, но одновременно и органичностью повествовательной манеры.

© Alexander Zholkovsky, 2014.

© TSQ № 50. Fall 2014.

За указание на этот рассказ, за консультации по Бунину и обсуждение данной статьи я благодарен Е. В. Капинос. За замечания и подсказки я признателен также Михаилу Безродному, Ладе Пановой, Е. И. Погорельской и Елене Толстой.

¹ См. *Бунин*, 4: 372–374, 515. Желательно, чтобы читатель держал текст перед глазами; он доступен в Сети: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2080.shtml

² «Ивлевскому циклу» посвящена глава III («„Некто Ивлев“: возвращающийся персонаж Бунина») недавно выпущенной книги *Капинос 2014* (с. 95–142), и я во многом опираюсь на это фундаментальное исследование. В ВНЦ (см. раздел «Прозаическая баллада Бунина: „В некотором царстве“»; *Капинос*: 126–142) исследовательница подробно рассматривает разнообразные аспекты характерной для Бунина (и, прежде всего, для цикла, построенного вокруг «авторского персонажа») техники лирического нарратива, привлекая богатейший интертекстуальный — бунинский и общелитературный — фон рассказа. Мой подход сводится к попытке свести воедино, неизбежно упростив и огрубив, эти и некоторые другие стратегии маленького бунинского шедевра, в частности, исходящие из мотивов импровизаторства и подражательного желания.

О псевдонимности фамилии «Ивлев» см. *Капинос*: 96, *Бунин*, 7: 565 («Происхождение моих рассказов»).

В самом общем плане ВНЦ продолжает и по-своему завершает сюжетику двух предыдущих ивлевских рассказов, «Граматики любви» (далее — ГЛ; 1915) и «Зимнего сна» (ЗС; 1918),³ — коллизию платонической влюбленности героя, с которым «объективный рассказчик» отождествляется лишь условно и временно, в некую так или иначе недоступную ему женщину. С ЗС наш рассказ перекликается, помимо всего, своей краткостью, а с ГЛ — разработкой архетипической ситуации подражательного, или треугольного, желания, описанной Рене Жираном и часто встречающейся в литературе.⁴

В ГЛ повествование следует за передвижениями и переживаниями героя, который постепенно все больше втягивается в загадочной давней любви его дальнего соседа по уезду, Хвощинского, к его некрасивой горничной Лушке. Рано похоронив ее, Хвощинский целых двадцать лет — до собственной смерти — не выходил из ее спальни, бесконечно горя об утрате возлюбленной. Сюжет построен по принципу воронки, постепенно засасывающей Ивлева с ее периферии в практически полую ее середину — непонятную страсть Хвощинского к ничем не замечательной Лушке.

Все детали и перипетии сюжета — намерения возницы, слова посещаемой по дороге графини, воспоминания Ивлева о собственной ранней увлеченности образом странной любви Хвощинского к Лушке, готовность их сына продать Ивлеву библиотеку отца, наконец, сама скромная книжная полка Хвощинского и, в особенности, смешная, столетней давности книжка «Грамматика любви» и дешевенькие бусы Лушки («эти шарики, некогда лежавшие на шее той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образ уже не мог не быть прекрасным...») — невольно толкают Ивлева к заезду в усадьбу Хвощинского, посещению его, ныне нежилой, части дома, к физическому и символическому проникновению в святых былой любви двух покойников и контакту с ее реликвиями. В результате Ивлев заражается сильнейшими токами этой любви: «И та-

---

³ См. соответственно Бунин, 4: 147—155; 291—293.

⁴ О подражательном желании см. Жиран 1965 [1961], Жолковский 2014.

кое волнение овладело им при взгляде на эти шарики <...> что зарило в глазах от сердцебиения». Покидая усадьбу Хвоцинского с купленной «за дорогую цену» книжечкой, Ивлев поглощен мыслями о Лушке: «„Вошла она навсегда в мою жизнь!“ — подумал он».

Из этого краткого пересказа хорошо видно, что центральным нервом рассказа является вовлечение сутобо постороннего третьего в любовь двоих, которая к этому никак не располагала, поскольку имела место в ином хронотопе (в прошлом, в далеком поместье), да и сама по себе была совершенно необъяснимой. Не способствовали такому втягиванию и его непосредственные обстоятельства (плохая погода, неприятный возница, нескладный сын Хвоцинского и Лушки, и т. д.) Тем более красноречивой — вопреки всем противопоказаниям — оказывается эта вариация на тему треугольности любви.

Та же тема, но повернутая очень по-иному, лежит в основе сюжета ВНЦ.

Случайно прочитав телеграмму о чьей-то женитьбе, имеющей состояться неизвестно где во время святок, герой (Ивлев) мысленно переносится «туда», явственно воображает передвижения привлекательной невесты и ее старой тетки, внезапную смерть тетки и свой последующий минутный тет-а-тет с невестой. На следующий день он продолжает переживать влюбленность в нее и твердую уверенность, что ей тоже навсегда запомнилась их якобы реальная встреча и что им предстоит контакт в будущем.

Сходство с ситуацией ГЛ очевидно. Здесь, как и там, связь двоих, вовлекающая героя в качестве третьего, физически удалена от него и непроницаемо загадочна. Правда, в ВНЦ далека она только в пространстве, но не во времени: налицо, напротив, почти полная синхронность, обеспеченная телеграфной скоростью передачи информации. Зато загадочность доведена до предела, мотивированная, кстати, той же телеграфностью, — сведения сообщаются кратко, отрывочно, местами невнятно: «Иван Сергеевич женится на святках на племяннице лошади высланы».

Неизвестным остается место ожидаемой свадьбы и имя «племянницы»; неясно даже, кому она приходится племянни-

цей: скорее всего, отправителю/отправительнице послания, но телеграфный синтаксис наводит и на кощунственную мысль о женитьбе Ивана Сергеевича на собственной родственнице.⁵ Вообще, к телеграфному сообщению и сводится объективная информация рассказа (если не считать последнего абзаца, своего рода эпилога, где речь идет о «следующем дне»), а все драматические «события» развертываются исключительно в сознании Ивлева, хотя и подаются как якобы происходящие в действительности.

Но даже то небольшое, что в телеграмме есть, используется в повествовании лишь частично и очень прихотливо. Так, единственный названный по имени участник событий практически опускается из событийной части, хотя и поминается в ней дважды: первый раз (в словах тетки: «— Завтра же дам знать Ивану Сергеевичу») — как отсутствующий на сцене и подлежащий оповещению в предполагаемом близком будущем; второй раз (самом конце рассказа — в мыслях Ивлева о «той, что будто бы должна была быть невестой какого-то Ивана Сергеевича») — как отброшенный из несостоявшегося будущего в более уже неактуальное прошлое.

Заметим, что в первом случае («дать знать...») вольно трансформируется мотив, заимствованный из недавних реальных событий (в «станционной комнате»), — мотив телеграфного сообщения. Это, конечно, не та телеграмма, которая попала на глаза Ивлеву, адресована же была не только не ему, но и не Ивану Сергеевичу, а неизвестному третьему лицу. И трансформируется этот мотив хронологически своеобразным образом.

Если вдуматься в порядок описываемых/воображаемых Ивлевым действий, то:

- сначала тетка уговаривает племянницу согласиться на брак,
- затем собирается «да[ть] знать Ивану Сергеевичу»,

---

⁵ Согласно *Катинос*: 131, двусмысленно и словосочетание «племяннице лошади» (М. Безродному оно даже напомнило поговорку «Кому и кобыла невеста»). Классический пример обыгрывания нелепых стыков слов в телеграфном тексте — эпизод с телеграммой о смерти первого мужа чеховской Душечки (*Жолковский 2010*: 313—314).

— после чего, надо полагать, получив его формальное согласие,
— сможет оповещать о женитьбе третье лицо — слать ему ту реальную телеграмму, с которой начинается рассказ.

Получается, что Ивлев, прочитав телеграмму, мысленно переносится не в синхронный или непосредственно следующий момент в жизни племянницы и тетки, а в более ранний, что позволит ему опередить и изменить ход событий таким образом, что в результате ни телеграммы о женитьбе, ни самой женитьбы не будет.⁶ Именно эта отмена — не только планировавшейся свадьбы, но и реально полученной телеграммы — злорадно констатируется при втором упоминании об Иване Сергеевиче.⁷

Параллельно привлекается к делу — и соответственно варьируется — также образ «высланных лошадей»: это опять-таки не те лошади, о которых говорилось в телеграмме, но самый мотив зимней езды на лошадях подхватывается и детализируется (тройка, ковровые сани, кучер и т. д.)⁸

Как же в целом организовано повествование ВНЦ, — что это за конструкция?

---

⁶ Дополнительный — малозаметный — временной зигзаг состоит в том, что первое описание саней, в которых едут из Москвы тетка с племянницей, содержит упоминание о «покупках к свадьбе», то есть свадьба уже как бы назначена, однако парой абзацев ниже этот вопрос все еще обсуждается («дам знать <...> не хочется больше тянуть с вашей свадьбой»). Таким образом, сначала Ивлев мысленно держится документированной — телеграфной — версии («Иван Сергеевич женится») и признает реальной подготовку к свадьбе и лишь позднее полностью от нее отделяется.

⁷ Об изощренных временных сдвигах и остановках времени у Бунина см. *Выготский 1965 [1925]*, *Жолковский 1994*. О переключках модернистского использования таких сдвигов (в частности, у Брэдли и Искандера) с литературной традицией (в частности, Готорном) см. *Жолковский 2011*.

⁸ Е. В. Капинос обсуждает лошадиную упряжку Ивлева («Более того, сновидец-Ивлев, **чьи лошади** незаметно исчезли, растворились за саями, в которых едут тетка и племянница...»; с. 133), но бунинский текст предельно уклончив: сообщается просто, что Ивлев «уже... в дороге», после чего он постепенно — за кадром — мысленно перемещается в сани к племяннице и тетке.

Прежде всего, на самом общем жанровом уровне, это рассказ о полете фантазии художника (= «авторского персонажа» Ивлева), о его творческой способности симпровизировать текст на любую — первую попавшуюся или кем-то предложенную — тему (*О чем, прозаик, ты хлопчешь? Давай мне мысль, какую хочешь...⁹*):

— о любовниках Клеопатры (подобно импровизатору в «Египетских ночах» Пушкина);

— о пепельнице (подобно Чехову в известном воспоминании Короленко);

— на заданные рифмы или в заданной форме (французской баллады, сонета);

и т. д. и т. п.

В данном случае разворачивается импровизация на тему, подсказываемую скудным текстом случайно прочитанной телеграммы. Как бедность этой исходной информации, так и ее посторонность, безотносительность к герою не столько противоречат, сколько благоприятствуют постановке задачи: чем труднее ее условия, тем эффектнее будет выглядеть решение.

Действительно, ответом Ивлева на усмотренный им вызов становится мгновенное освоение ситуации. Скудость сведений о ней он использует как повод для ее вольной интерпретации и насыщения мгновенно изобретаемыми деталями, а в связь между совершенно посторонними ему женихом и невестой он решает вторгнуться в качестве счастливого соперника жениха.

Первое из этих решений носит довольно общий, металитературный характер, хотя, конечно, близкий Бунину, тем более Бунину — создателю рассказов с «авторским персонажем», совмещающим черты лирика и повествователя. По сути дела, Ивлев берется за типично писательскую задачу творческой разработки темы, а внешний бунинский рассказчик то как бы отождествляется с ним, то отстраняется от его вымыслов, особенно в конце рассказа.

---

⁹ Пушкин, «Прозаик и поэт».

На общелитературном стереотипе (мотиве подражательного желания) основано и второе конструктивное решение: не ограничиться повествованием вчуже о происходящем между женихом и невестой, а рассказать о вмешательстве в их отношения самого «авторского персонажа». Это уже более специфически бунинский поворот сюжета, позволяющий писателю сосредоточиться на излюбленных темах любви, смерти, памяти о «солнечном ударе» и вовлечь в них в качестве героя свое «второе я».

Оба радикальные решения — литературское и персонажное — воплощаются в ВНЦ очень последовательно, причем искусно маскируются под естественный ход событий и лишь постепенно обнаруживают свое подлинное лицо, особенно в персонажном плане. И две эти линии органично совмещаются друг с другом, обеспечивая редкую экономность повествования, занимающего всего две книжные страницы.

Литературская линия начинается уже на рамке, причем в первой же фразе («Ивлев читает **полные чудесного смысла слова**» телеграммы); затем, отчасти с подачи литературно подкованного телеграфиста («это псковская повесть Пушкина»¹⁰) и вопреки его протестам, герой мгновенно («но Ивлев видит себя **уже в дороге**») переходит к импровизации на тему. Повествование в 3-м лице через призму восприятий и передвижений Ивлева сохраняется лишь в начале следующего абзаца («**Он видит,**

---

¹⁰ Из пушкинских сюжетов история с зимней подменой жениха больше всего напоминает «Метель», которая была написана, однако, не в Михайловском Псковской губернии, а в Болдине Нижегородской, и в которой описываются события, реальной географической привязки не имеющие. Следующий предположительно пушкинский мотив («снежной зимы никто не запомнит со времен Бориса Годунова») мотивирует введение зимнего антуража ВНЦ, но отсылает к Пушкину очень приблизительно, поскольку зима в трагедии Пушкина заметной роли не играет (хотя холода и голод 1601—1603 гг. отмечены в соответствующих главах «Истории» Карамзина, изучавшихся Пушкиным). Зато «псковский» элемент в трагедии косвенно присутствует — в сцене в корчме на литовской, а значит, псковско-литовской, границе. И писался «Борис Годунов» в Михайловском, причем работа над ним началась зимой 1824 г. (закончена в ноябре 1825 г.). Наконец, в импровизаторстве Ивлева не исключена переключка с вдохновенным самозванством Григория, проявляющимся и в его ухаживании за Мариной Мнишек.

что вечереет <...> **говорит себе**, что...»), после чего упоминания о нем надолго исчезают из текста, и он снова появится лишь в предпоследнем абзаце. Повествование то ли полностью переходит на субъективную точку зрения Ивлева, бесплотно и незримо присутствующего в санях невесты и ее тетки (не его ли это эмоциональные реакции: «Годунов дает этому зимнему вечеру <...> что-то дикое, **угрожающее**», «**удивительные** шведские лыжи», «это **радует, обещает**, что-то такое, от чего **замирает сердце**?»),¹¹ то ли становится совершенно безличным и объективным.

На «объективность» работает и насыщение текста знакомыми картинками русской зимы, дороги, леса, поездки в санях, кучера (с его спиной, пристяжными и «мелькающи[ми] в комьях снега подков[ами]»),¹² подката «широким полукругом к крыльцу» деревянного дома и т. п. Впрочем, такая узнаваемость, как бы удостоверяющая правдивость повествования, одновременно выдает его опору на литературные клише, а тем самым и его вероятную вымышленность импровизатором (Ивлевым), вынужденным обращаться к готовому образному репертуару.¹³

Импровизация состоит, как уже говорилось, в развертывании данных телеграммы, их свободном переосмыслении и присочинении к ним новых элементов. Последнее тоже выдает

---

¹¹ Согласно *Капинос*: 135, шведские лыжи обещают Ивлеву некую северную эскападу вместе с «племянницей» — по аналогии с его мечтаниями о поездке в Гренландию с желанной учительницей в ЗС.

¹² Опора ВНЦ на русскую прозаическую и поэтическую традицию исчерпывающе продемонстрирована в *Капинос 2014*. О «спине кучера» как об одном из «готовых предметов» русской прозы см. *Щеглов*: 231—232.

Конную езду и крупный план копыт в ВНЦ можно сравнить с такими пассажирами, как:

Пышет конь, земля дрожит; Брызжут искры от копыт («Жуковский, «Людмила»);

И дале, дале!.. конь летит, Под ним земля шумит, дрожит, С дороги вихри вьются, От камней искры льются (Жуковский, «Ленора»).

¹³ Ср. обнажение такой техники в бабелевской «Справке» (1922—1928; опубл. по-английски — в 1937 г., по-русски только в 1960-е гг.): «Церковный староста... Это было украдено у какого-то писателя, выдумка ленивого сердца...»

подспудное — напрямую не объявляемое, но достаточно активное — «авторское» участие.

Начнем с тетки, которая в телеграмме как таковая не прописана — с таким же успехом это мог бы быть дядя невесты или любой другой член семьи. Но, разумеется, активная роль настырной свахи более стандартно связывается с теткой. Готовым является и никак не основанный на тексте телеграммы мотив принуждения молодой девушки к нежеланному браку, да и вообще властного доминирования старшей женщины над младшей (в духе «Пиковой дамы») ¹⁴.

То же относится к внешности невесты (ее румянец реактивирует мотив зимних санных прогулок, широко представленных в русской поэзии и прозе), и к возрасту и состоянию здоровья тетки — «крепкой старухи», говорящей «громким и твердым голосом», по прибытии в деревню сбрасывающей «сразу двадцать лет с плеч долой» (еще одно литературное клише), а затем внезапно умирающей. Из телеграммы ни то, ни другое не вытекает, а противоречие между «крепкостью» и помолодением, с одной стороны, и скоропостижной смертью, с другой, еще более явно выдает авторский произвол импровизатора. Смысл же именно такого развития сюжета диктуется не общелитературной задачей импровизирования, а собственными устремлениями импровизатора как персонажа.

3

Волевой напор Ивлева очевиден с самого начала — с момента, когда он нарушает «служебную тайну» телеграфной конторы. Сначала это хочется списать исключительно на счет его литературно-импровизаторского азарта, однако вся дальнейшая цепь событий выдает более личный мотив, который в концов будет назван напрямую: «влюбленность» в неведомую «племянницу», постепенно обретающую заманчивые черты (румянец, черные глаза, обнаженную ножку...).

---

¹⁴ Ср. *Капинос*: 131; это общее место русского романа; ср. «Бесы», «Что делать» и мн. др. тексты.

Важнейшим, уже насильственным — со стороны импровизатора, позволяющего себе такую поэтическую вольность, — звеном этой цепи становится устранение тетки, заблаговременно представленной в роли организатора брака племянницы с Иваном Сергеевичем вопреки желанию девушки. Неправдоподобность ее смерти (санкционированной, впрочем, «Пиковой дамой») — и в этом смысле опять-таки элемент сочинительского насилия над сюжетом — не сводится к внезапному переходу от крепости и твердости к слабости и смерти. Она выдается еще и непонятно откуда берущейся «сладостью»: «тетк[а], раздевающ[ая]ся сильными движениями, но медленно, с тяжелым дыханием <...> роняет поднятые руки, слабо и **сладко** вскрикивает». Смерть как совмещение слабости со сладостью подсказывалась бы прочтением ситуации в ключе романтического или декадентского смакования Liebestod, если бы речь не шла о смерти «старухи», персонажа далеко не эротического плана и, к тому же, второстепенного.

Однако сходный словесный мотив вернется в следующем же абзаце: «то самое блаженство, от которого **слабо и сладко вскрикнула** тетка, опускаясь в предсмертной истоме на пол». Только теперь блаженный комплекс ощущений испытывает уже сам Ивлев, причем указывается его настоящий источник — воображаемая близость с племянницей:

«...есть только <...> отсутствие уже всяких преград между Ивлевым и той, что будто бы должна была быть невестой какого-то Ивана Сергеевича, — есть один дивный блеск черных глаз, вдруг вплотную приблизившихся к нему <...> есть быстрая жуткая мысль, как снимала она на ларе ботик, и тотчас же вслед за этим то самое блаженство...»¹⁵

---

¹⁵ Рассматривая эту сюжетную и словесную рифму, Е. В. Капинос пишет, что повтор «эпитетов „слабый и сладкий“ объединя[ет] предсмертный вскрик тетки и любовную истому племянницы» (с. 136), по-видимому, не решаясь подключить к этой оргазмической истоме Ивлева.

Задним числом становится ясна и связь «сладости» с острым вуайерским лицезрением обнажающейся племянницы, ср. в предыдущей сценке:

«Раскутывают шали, освобождаются от пахучих снежных шуб. Племянница **раздевается чем дальше, тем все живей и веселей**, неожиданно **оказывается тонкой, гибкой**, ловко присаживается на старинный ларь возле окна и быстро снимает городские серые ботинки, **показывая ногу до колена, до кружева панталон**, и выжидательно глядя черными глазами на тетку, раздевающуюся...»

Контраст между двумя раздеваниями — молодым, живым, эротически завлекательным и старческим, предсмертным — лишь подкрепляет циничную логику «авторского» поведения Ивлева: убрать мешающуюся тетку и овладеть желанной племянницей. Заметим, что именно при повторном проведении этого мотивного комплекса в тексте после долгого перерыва вновь появляются имена соперников: торжествующего Ивлева и побежденного Ивана Сергеевича. Закреплению — натурализации — этого успеха Ивлева способствует и эффектная, хотя и тщательно скрытая, конструкция: при первом своем проведении, желанное вуайеру заголение племянницы дается как бы объективно, без упоминаний о наблюдателе, а при втором наблюдатель открыто присутствует, но ссылается на уже известное читателю, так сказать, независимое, свидетельство предыдущего текста.

Прочерченная нами линия на физическое умерщвление тетки и обеспеченное им бескровное сюжетное устранение Ивана Сергеевича поддержана нарастанием в тексте мотива страха:

«И вдруг происходит то самое, **страшное** приближение чего уже давно **предвкушалось** <...> [Е]сть только радостный **ужас** этой темноты и отсутствие уже всяких преград между <...> есть быстрая **жуткая** мысль, как снимала она на ларе ботик...»

Этот тройной аккорд страха, конечно, тоже амбивалентен, как и весь комплекс «предсмертной слабости и сладости», которому он аккомпанирует, — ужас планируемого (= давно предвкушавшегося) убийства тетки и овладения племянницей, причем в последнем случае ужас по поводу и собственной преступной дерзости, и волнующего сексуального опыта.

Подобная двойственность в соотношении эмоций, ожиданий и т. п. с их актантами (субъектами, объектами, адресатами) не сводится к этому кульминационному моменту, а пронизывает все повествование.¹⁶ И проявляется не только в игре с участием/неучастием «авторского персонажа» (пограничного между автором и Ивлевым) в любовном сюжете, но и в постоянном перетекании эмоций между ним и «племянницей». Вот эта пунктирная серия двусмысленных предикатов:

«Но в саних <...> лежат **удивительные** [для кого — племянницы? Ивлева? рассказчика?] шведские лыжи <...> И это **радует** [кого?], **обещает** [кому?] что-то такое, от чего **замирает** [чья смерть предвещается (пока на чисто фразеологическом уровне?)] **сердце** [у кого?] <...>

Неожиданно [для кого — племянницы? Ивлева?] старуха говорит <...>

...отвечает племянница с **притворным веселым простодушием** [кому видно «притворство» — всеведущему рассказчику или Ивлеву, таким образом навязывающему его племяннице?] <...>

Племянница <...> **неожиданно оказывается тонкой, гибкой** [вряд ли неожиданно для тетки (= единственного реально присутствующего персонажа, а, значит, скорее всего, для Ивлева)] <...> снимает <...> ботики, **показывая** [кому? — непосредственно, конечно, тетке, но ей-то зачем бы? — зато заодно и незримо му вуайеру Ивлеву] ногу до колена, до кружева панталон, и **выжидательно** глядя черными глазами на тетку [чего ей ждать от тетки? — скорее, подразумевается подсознательное ожидание ею чего-то от судьбы в лице мистически витающего над нею Ивлева] <...>

---

¹⁶ Ср. *Капинос*: 136 сл.

...**страшное** [для кого?] приближение чего уже **давно** [то есть, еще когда тетка была крепка и даже не нуждалась в помолодении?] **предчувствовалось** [кем? — неужели племянницей, уже давно ждавшей смерти тетки? — скорее, все-таки Ивлевым, всемогущим в его роли импровизатора и жаждущим посеять рознь между племянницей и теткой] <...>

...**радостный ужас** [Ивлева? племянницы?] <...> **дивный** [для Ивлева — и вообще] блеск черных глаз, вдрут вплотную приблизившихся к **нему** [Ивлеву], **жуткая мысль** [его же] как снимала она <...> ботик, и <...> **блаженство**, от которого <...> вскрикнула **тетка** [блаженство опять-таки его, но и каким-то образом общее с теткой]».

Двусмысленная игра обнажается, — а тем самым и продолжается, и подрывается — в заключительном абзаце, где бунинский рассказчик, доведя тему слияния двух душ, «авторского персонажа» и героини, до предела, сам все-таки отмежевывается от своего alter ego.

«...в глубине души [Ивлев] твердо знает, что никакой разум никогда не убедит его, будто нет и не было в мире этой черноглазой племянницы и **будто так и не узнает** она, каким мучительным и счастливым воспоминанием, — их **общим** [курсив Бунина — А. Ж.] воспоминанием, — одержим он весь день».

Заметим, что графически выделенное Буниным слово «общим», одно из последних в рассказе, венчает выписанную выше длинную серию эмоций, как бы разделяемых Ивлевым с «племянницей». Причем «общими» объявляются теперь уже не только воспоминания о прошлом, но и какие-то совсем уже фантастические контакты в будущем.

4

Каким же образом Бунину удастся натурализовать — сделать органической, убедительной, проглатываемой читателем без возражений — всю эту вызывающе неправдоподобную

конструкцию и, прежде всего, выдачу повествовательных и любовных фантазий Ивлева за реальность? На ряд приемов мы уже указали, в частности на работу с некоторыми готовыми литературными ситуациями и клише. К ним следует добавить опору на комплекс балладных и святочных мотивов, позволяющих сочетать повествование о якобы реальных событиях с лирической интонацией и элементами фантастики, задаваемой уже самим названием рассказа, взятым из зачина русских сказок.¹⁷

Незримость/воображаемость присутствия Ивлева в перипетиях сюжета напоминает об аналогичной двойственности фигуры Лесного царя в одноименной балладе Гёте, а его более непосредственное участие — о таких волшебных персонажах, как Черномор, похищающий Людмилу именно со свадьбы. Разумеется, Ивлев рисует себя скорее не злодеем-похитителем, а рыцарственным спасителем хрестоматийной *damsel in distress* («девы в беде»), то есть лишь отчасти Черномором,¹⁸ преимущественно же Русланом. Для этого Ивлев и вводит еще один готовый мотив — принуждения девы к нежеланному браку, незаметно развивая потенциал именованного жениха в телеграмме по имени отчеству — как, возможно, более старшего из двоих, особенно по сравнению с «племянницей», представительницей более младшего поколения. Ипостась Черномора может служить

---

¹⁷ Принцип «балладности» положен в основу разбора ВНЦ в *Катинос*: 126—142, где он вынесен в заглавие раздела.

В балладной традиции разрабатывались и близкие к ВНЦ нарративные «перескоки на рамку», ср. внезапное отождествление персонажей вставного и обрамляемого сюжетов, например, в «Графе Гапсбургском» Шиллера-Жуковского, где в финале император Рудольф (а с ним и читатель) осознает, что в песне, пропетой ему певцом, «набожный граф» прозрачно проецируется на него, императора, а сам певец — на пастыря, которому граф даровал своего коня:

Задумавшись, голову кесарь склонил: Минувшее в нем оживилось. Вдруг быстрый он взор на певца устремил — И таинство слов объяснилось: Он пастыря видит в певце пред собой; И слезы свои от толпы золотой Порфирой закрыл в умиление... Все смолкло, на кесаря очи подняв, И всяк догадался, кто набожный граф, И сердцем почтил привиденье.

¹⁸ Или покойным женихом, являющимся за Людмиллой-Светланой-Ленорой Жуковского.

делу и еще одним способом: ведь он не только незрим (благодаря своей шапке), но и сексуально немощен, что делает его в этом отношении безопасным для Людмилы, ср. слова Финна:

...тебе ужасна Любовь седого колдуна; Спокойся, знай: она напрасна И юной деве не страшна. Он звезды сводит с небосклона. Он свистнет — задрожит луна; Но против времени закона Его наука не сильна. Ревнивый, трепетный хранитель Замков безжалостных дверей, Он только немощный мучитель Прелестной пленницы своей. Вокруг нее он молча бродит, Клянет жестокий жребий свой.

Пушкин, «Руслан и Людмила», I

Чисто платонической остается и связь Ивлева с героиней ВНЦ.

На атмосферу святочного гадания и святочного рассказа бунинский текст опирается также по линии традиционной открытости девушки, пытающейся нагадать себе жениха, к вторжению волшебных сил, обещающих явление суженого в виде призрака, — ср. выше серию предикатов восприятия, общих у племянницы с Ивлевым, в особенности такие, как «выжидательно» и «давно предчувствовалось». Еще один релевантный святочный мотив — оставление призраком каких-то доказательств своего посещения (чаще всего — сабли).¹⁹ В ВНЦ физических улик Ивлев в доме племянницы не оставляет, но на неистребимости памяти о якобы имевшем место свидании настаивает, более того, убежден, что предстоят дальнейшие мистические контакты. В этом он следует романтической традиции, отрефлектированной уже Пушкиным в образе Ленского, который *верил, что душа родная Соединиться с ним должна*, а более непосредственно восходит к «Сну» Лермонтова, где лирическому герою снится героиня, которой, в свою очередь, снится он. Некая онейрическая

---

¹⁹ О соответствующей мотивике святочных рассказов см. *Душечкина и Баран* 1993: 8—10, 12—13. Кстати, святочные и рождественские рассказы печатались «по сезону» — в последних и первых номерах периодических изданий, и ВНЦ было опубликовано в 1-м номере парижского журнала «Иллюстрированная Россия» за 1924 г. (см. *Бунин*, 4: 515). Впрочем, Бунина как звезду эмигрантской русской литературы часто печатали именно в первых номерах и на самых почетных местах.

аура ощущается и в ВНЦ, подспудно способствуя натурализации вымыслов, но прямых указаний на засыпание Ивлева в начале и пробуждение в конце текст рассказа не содержит.²⁰

На словесном уровне к балладной традиции отсылает характерный оборот: «И нет уже ни..., ни..., есть только...», которым вводится повествовательный перескок от устранения тетки к свиданию с племянницей наедине. Ср., например, серию переходов к новым, часто финальным, ситуациям в балладах Жуковского:

Вот примчались... и вмиг Из очей пропали: Кони, сани и жених Будто не бывали. Одинокая, впотьмах, Брошена от друга, В страшных девица местах; Вкруг метель и вьюга («Светлана»);

И вмиг... дитя, челнок, пловец незримы; В руках его мертвец: Эдинов труп, холодный, недвижимый, Тяжелый, как свинец. Утихло все — и небеса и волны: Исчез в водах Варвик («Варвик»);

Умолкла... мать зовет Эльвину... Эльвины больше нет («Эльвина и Эдвин»);

И нет уж Минваны... («Эолова арфа»);

И вдруг уж нет дороги им («Вадим»);

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах: И грустна и на свет не глядит; Есть в Мельрозской обители мрачный монах: И дичится людей и молчит. Сей монах молчаливый и мрачный — кто он? Та монахиня — кто же она? То убийца, суровый Смальгольмский барон; То его молодая жена («Замок Смальгольм, или Иванов вечер»);

Приходит, уходит волна быстротечно; А юноши нет и не будет уж вечно («Кубок»).

---

²⁰ Последовательно онейрическое прочтение рассказа, основанное, среди прочего, на аналогии с ЗС, развито в *Катинос*: 129 сл. «„В некотором царстве“ — это многомерная композиция снов» (с. 129). На наш взгляд, такое прочтение не только не доказательно фактически, но и не выигрышно эстетически, ибо не отдает должного эффекту совмещения фантазий Ивлева с правдоподобием их изложения, — сон-то, конечно, все спит. Более адекватной представляется «импровизаторская» доминанта повествования, хотя некая квази-сновиденческая аура над рассказом, конечно, витает.

Эта формула была чутко уловлена младшим современником Бунина Ходасевичем, ср. финальное преобразование ситуации в его написанной сравнительно незадолго до ВНЦ «Балладе» (1921) и написанном вскоре после ВНЦ «Перед зеркалом» (1924):

*И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.
И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает — Орфей;*

*И Виргилия нет за плечами,
— Только есть одиночество —
в раме Говорящего правду стекла.*

5

Бегло очерченные выше повествовательные эффекты рассказа делают его одним из наиболее смелых экспериментов Бунина.

Так, ироническое использование литературных клише в создании образа «авторского персонажа» приводит на мысль приемы бабелевских «Справки»/ «Моего первого гонорара», а размывание границ между внешним рассказчиком, вставным «авторским персонажем» и героиней предвосхищает технику «Аксолотля» Хулио Кортасара (1956),²¹ где по ходу повествования «авторское я» чудесным образом перетекает от человека, наблюдающего за аксолотлями сквозь стекло аквариума, к аксолотлю, наблюдающему за этим человеком через то же стекло, но уже изнутри.

Паразитальная (как и в этих текстах) краткость — поистине, «телеграфность»! — повествования ВНЦ обеспечивается плотностью мотивных взаимоналожений, импрессионистической скорописью нарратива, техникой «пропущенных звеньев» (Мандельштам) и «пастернаковским» смазыванием субъектно-объектных границ.

Опора на русскую романтическую традицию придает этому новаторству органичность, характерную для Бунина, отрицавшего программный модернизм своих современников, но на деле

---

²¹ Рассказ из книги Кортасара «Конец игры» (пер. В. Спасской: http://www.lib.ru/INPROZ/KORTASAR/hk_aksol.txt).

писавшего по-новому. Так, игра с временными сдвигами и точками зрения, отмечавшаяся, например, в «Легком дыхании»,²² напрягается в ВНЦ до предела, как и втягивание персонажа повествовательной рамки в любовь между героями обрамляемого сюжета по принципу имитационного желания, которое, по сравнению с ГЛ, тоже достигает максимума: «авторский персонаж» расстраивает назначенную уже свадьбу героев, устраняет ее организатора (тетку), а там и жениха, с тем чтобы мысленно занять его место, а впрочем, устраниться и самому, удовольствовавшись миром платонических фантазий.

Рассказ и сегодня читается как захватывающе современный.

Но, помеченный 1923-м годом, он несет в себе сокровенные черты времени написания, — сильнейший ностальгический заряд. В тексте на это указывает лишь одна фраза — признание, проскальзывающее в последнем абзаце и даже не от имени автора:

«И влюбленность эта во сто крат острее даже всего того, что он когда-либо испытывал в пору самой ранней молодости...»

Это подчеркивание временной дистанции между описанными в рассказе переживаниями Ивлева и его, как выясняется, далекой молодостью, служило для современного Бунину читателя-эмигранта дополнительным сигналом к и без того напрашивавшемуся восприятию рассказа как ламентации об ушедшей в прошлое дореволюционной России. При таком прочтении особо острый смысл обретала способность героя-импровизатора мгновенно перенестись в далекую во всех отношениях,

---

²² Ср. финал «Легкого дыхания» (1916), где объективный рассказчик подхватывает — наполовину, как свои, — слова Оли Мещерской, вычитанные ею в одной из «старинных смешных книг» отца, повторенные «любимой подруге» и запомнившиеся ее сентиментальной классной наставнице:

«...но главное, знаешь ли что? — **Легкое дыхание!** А ведь оно у меня есть, — **ты послушай, как я вздыхаю,** — ведь правда, есть?»

Теперь это **легкое дыхание** снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» (Бунин, 4: 202).

См. Выготский: 202, 206—207; Жолковский 1994 [1992]: 112.

типично русскую местность и, что еще важнее, силой творческого воображения — увь, только воображения — решительно переменить ход событий желанным образом. На преодоление хронологического разрыва между действием рассказа и обстоятельствами его написания/ опубликования работал даже контраст предельно «зимнего» сюжета с сугубо летней авторской пометой, завершающей текст: «Приморские Альпы. 12 июля 1923». Противопоставление теперешней, эмигрантской, ситуации далекой российской дано сугубо под сурдинку, — в отличие, например, от последовательно драматизированного сталкивания ностальгии постаревшего эмигранта-рассказчика «Руси» (1942) по давней любви к заглавной героине с ревниво-саркастическими ремарками его теперешней жены.

И последнее замечание, в слегка гипотетическом ключе. Помимо имени авторского персонажа, Ивлева, единственное собственное имя в рассказе — Иван Сергеевич, в русской литературной традиции естественно ассоциирующееся с Тургеневым. Бунину часто считали учеником и продолжателем Тургенева: их, помимо имени Иван, объединяла принадлежность к старому дворянству, долгая жизнь за границей (преимущественно во Франции), лиризм стиля, любовь к описаниям природы (особенно среднерусской, родной для обоих) и ряд других общих черт. Эти сходства могли подсказать Бунину обращение именно к такому имени для старшего двойника главного авторского персонажа. Тем более, что на роль несчастного соперника в любви Тургенев, — с его пожизненно проблематичной (не исключено, что платонической) любовью к Полине Виардо и непременными любовными и семейными неудачами его героев, — очень и очень годился. Так что в более обобщенной перспективе, где «племянница» символически представляет не только Россию, но и русскую словесность, вымечтанная победа Ивлева над соперником может читаться и как полупрозрачная заявка на литературное первенство, не знающее «какого-то Ивана Сергеевича».²³

---

²³ Ср. отчасти сходные соображения в *Капинос*: 134; о двойственном отношении Бунина к его соотнесению с Тургеневым см. *Капинос*: 98, 134; *Сливицкая*: 190 — 198.

ЛИТЕРАТУРА

Бунин И. А. 1993—2000. Собр. соч. В 8 т. / Сост. и комм. А. К. Бабореко. М.: Московский рабочий.

Выготский Л. С 1965 [1925]. Психология искусства. М.: Искусство.

Душечкина Е., Баран Х. 1993. «Настали вечера народного веселья...» // Чудо рождественской ночи. Святочные рассказы / Сост. Е. Душечкиной и Х. Барана. СПб.: Худ. лит. С. 5—32.

Жиран 1965 [1961] — René Girard. Deceit, Desire and the Novel / Transl. Yvonne Freccero / Baltimore & London: The Johns Hopkins UP.

Жолковский А. К. 1994 [1992]. «Легкое дыхание» Бунина — Выготского семьдесят лет спустя // Он же. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука — Восточная литература. С. 103—120.

Жолковский А. К. 2010. Иерунда // Он же. Осторожно, треножник! М.: Время. С. 311—316.

Жолковский А. К. 2011. Фазиль-американец // Новое литературное обозрение, 111: 260—272.

Жолковский А. К. 2014. Подражатели // Звезда, 2014, 10: 220—232.

Капинос Е. В. 2014. Поэзия Приморских Альп. Рассказы Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры.

Сливицкая О. В. 2004. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ.

Щеглов Ю. К. 2012 [1986]. Молодой человек в дряхлеющем мире: Чехов, «Ионыч» // Он же. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы / Сост. А. К. Жолковского и В. А. Щегловой. М.: НЛО, 2012. С. 207—240. С. 231—232.

В развитие идеи о предположительной полемике автора с Тургеневым, можно указать на еще один возможный пре-текст ВНЦ — «После смерти (Клара Милич)» (1882). Там, часто в иных комбинациях, есть: творчески настроенный герой-мечтатель; черноглазая героиня (цыганистая и разнообразно соотносимая с Полиной Виардо!); недовольная их связью тетка; смерть героини, а затем и героя; их мистическое общение до и особенно после смерти; внезапная поездка героя куда-то «туда», за сведениями о героине (и обретение странички из ее дневника, фотографии и пряди волос, ср. еще и ГЛ). На этом фоне печальная судьба «какого-то Ивана Сергеевича» в ВНЦ читается как пуанта иронической — и в 25 раз более краткой (670 слов вместо 17 000) — перелицовки тургеневской повести.